Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-165-172

КУПРЯШИН Виктор Сергеевич,
Студент, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: victorkupryashin@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ И ПРЕДМЕТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию актуальных материально-правовых и криминологических проблем, возникающих при квалификации и разграничении преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов (статьи 242, 242.1, 242.2 УК РФ). Целью исследования является выработка унифицированного понятийного аппарата и четких критериев разграничения смежных составов для оптимизации правоприменительной практики в условиях цифровизации общества. На основе комплексного анализа доктрины уголовного права, стратегий национальной безопасности, а также актуальных статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ и Генеральной прокуратуры РФ, автором доказано, что латентный оборот деструктивного контента выступает катализатором реального сексуального насилия и несет прямую угрозу общественной нравственности. Основным результатом работы является формирование авторской системы монолитных взаимосвязанных дефиниций. В научный оборот вводятся новые определения порнографических материалов и предметов, построенные на основе критериев натуралистичности и цели деструктивного воздействия. Сбалансированно разработано легальное определение эротических материалов и предметов, ключевыми признаками которых выступают наличие самостоятельной культурной ценности, прямая предназначенность исключительно для совершеннолетних лиц, а также полное очищение от признаков порнографии. Впервые предложена дифференциация способов изготовления через призму концепции материального и нематериального (цифрового) производства, что закрывает правовой вакуум в сфере использования искусственного интеллекта и дипфейк-технологий. Автором регламентирован момент окончания преступления в интернет-пространстве через фиксацию факта первого просмотра, разграничены технические действия пользователей (лайки и репосты), а также сформулирована презумпция интимного секстинга для защиты тайны личной жизни совершеннолетних граждан. В сфере разграничения со смежными нормами (ст. 242.1 УК РФ и ст. 6.21 КоАП РФ) обоснован безусловный приоритет визуального образа несовершеннолетнего над биологическим возрастом модели, а также поглощение административной ответственности уголовной при переходе деструктивного воздействия в форму натуралистической визуализации.*

Ключевые слова: *порнографические материалы, порнографические предметы, оборот порнографии, общественная нравственность, квалификация преступлений, интернет-пространство, искусственный интеллект, презумпция интимного секстинга, детская порнография.*

KUPRYASHIN Victor Sergeevich,
Student Saint-Petersburg State Fire Service University of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, Russia, Saint Petersburg

CURRENT PROBLEMS OF CLASSIFICATION AND DELINEATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL TRAFFICKING OF PORNOGRAPHIC MATERIALS AND ITEMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article is devoted to the study of current substantive legal and criminological problems arising in the qualification and differentiation of crimes related to the illicit trafficking of pornographic materials (Articles 242, 242.1, 242.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). The purpose of the study is to develop a unified conceptual framework and clear criteria for distinguishing related offenses to optimize law enforcement practice in the context of the digitalization of society. Based on a comprehensive analysis of the criminal law doctrine, national security strategies, as well as current statistical data from the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation and the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, the author proves that the latent trafficking of destructive content acts as a catalyst for actual sexual violence and poses a direct threat to public morality. The main result of the work is the formation of the author's system of monolithic interconnected definitions. The paper introduces new scientific definitions of pornographic materials and objects, built on the criteria of naturalism and the purpose of destructive impact. A balanced legal definition of erotic materials and objects is developed, the key features of which are the presence of independent cultural value, direct designation exclusively for adults, as well as complete clearance from signs of pornography. For the first time, a differentiation of manufacturing methods is proposed through the prism of the concept of material and non-material (digital) production, which fills the legal vacuum in the field of using artificial intelligence and deepfake technologies. The author regulates the moment of completion of a crime in the Internet space by fixing the fact of the first viewing, differentiates the technical actions of users (likes and reposts), and formulates the presumption of intimate sexting to protect the privacy of adult citizens. In the area of differentiation from related offenses (Article 242.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 6.21 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation), the unconditional priority of the visual image of a minor over the biological age of the model is justified, as well as the absorption of administrative liability by criminal liability when the destructive impact transitions into the form of naturalistic visualization.*

Key words: *pornographic materials, pornographic objects, trafficking of pornography, public morality, qualification of crimes, Internet space, artificial intelligence, presumption of intimate sexting, child pornography.*

Введение

Трансформация современного социума под влиянием форсированной цифровизации и стремительного развития информационно-телекоммуникационных технологий повлекла за собой качественное изменение структуры и характера преступности. Одним из наиболее острых и криминологически значимых вызовов для государственной системы безопасности и институтов гражданского общества стал неконтролируемый оборот деструктивного контента в глобальной сети Интернет. В условиях ведения гибридных войн и целенаправленного информационно-психологического воздействия на население, незаконные изготовление, распространение и публичная демонстрация порнографических материалов приобретают статус латентного инструмента, подрывающего основы общественной нравственности и традиционные российские духовно-нравственные ценности, закрепленные на высшем государственном уровне. Не будет преувеличением утверждать, что сфера общественной нравственности является фундаментом социального бытия, поскольку именно здесь закладываются базовые поведенческие императивы. Как справедливо подчеркивает Р.Р. Абсатаров, «мораль играет ключевую роль в регулировании поведения личности в обществе. От морального здоровья молодого поколения во многом зависит будущее любой страны» [1, с. 4]. Актуальность исследования данной проблематики подчеркивается не только идеологическими факторами, но и угрожающими тенденциями правоприменительной и судебной практики. Данные официальной статистики свидетельствуют о наличии устойчивой корреляционной связи между масштабами бесконтрольного распространения порнографии в цифровом пространстве и ростом реального насилия в физическом мире, в особенности — в отношении наиболее уязвимых слоев населения, несовершеннолетних граждан. Действующее уголовное законодательство, зафиксированное в статьях 242 и 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), формировалось в принципиаль-

но иных технологических и геополитических реалиях, вследствие чего современный правоприменитель столкнулся с системным кризисом квалификации киберпреступлений. На это обстоятельство обращает внимание и Р.Р. Хайбрахманова, указывая, что «одной из ключевых тенденций современной уголовно-правовой политики является также криминализация новых форм общественно опасного поведения, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, активно применяемых для распространения порнографических материалов, пропаганды жестокости и иных форм девиантного поведения» [2, с. 129]. Степень научной разработанности данной темы в отечественной юриспруденции характеризуется наличием широкого пласта фундаментальных трудов. Однако большинство существующих доктринальных подходов опирается на «традиционные» способы совершения преступлений и не учитывает современные реалии: появление генеративного искусственного интеллекта, технологий глубокого синтеза медиаданных (Deepfake), алгоритмов продвижения контента в социальных медиа посредством пользовательской активности («лайки» и «репосты»), а также специфику межличностных цифровых коммуникаций совершеннолетних граждан («секстинг»). Центральная научная проблема исследования заключается в наличии глубокого правового вакуума и терминологической неопределенности в диспозициях уголовно-правовых норм. В отечественном законодательстве до сих пор отсутствуют легальные дефиниции порнографических материалов, предметов и смежного понятия эротики, что порождает избыточное судейское усмотрение, противоречивость следственной практики и размывание границ между преступным деянием и тайной личной жизни. Исходя из этого, целью настоящей статьи является комплексное теоретико-прикладное исследование материально-правовых аспектов оборота запрещенного контента, выявление системных пробелов квалификации в цифровой среде и разработка унифицированного понятийно-категориального аппарата, способного обеспечить эффективное разграничение смежных составов уголовных преступлений и административных правонарушений.

Теоретические основы и методы исследования

Теоретический фундамент настоящего исследования базируется на ключевых положениях отечественной доктрины уголовно-правовых наук, теории квалификации преступлений, а также на современных концепциях обеспечения информационной и криминологической безопасности в цифровой среде. Проблематика исследования осмысливается через призму системно-объектного подхода, в рамках которого общественная нравственность рассматривается как самостоятельный, охраняемый уголовным законом объект правовой охраны, обладающий высшей социальной ценностью. Нормативно-теоретическую базу исследования составили положения Конституции Российской Федерации, выступающей фундаментальным источником уголовного права и закрепляющей в части 3 статьи 55 принципы допустимости ограничения прав граждан в целях защиты нравственности и безопасности государства. Также базой исследования послужили нормы Уголовного кодекса РФ, регулирующие ответственность за преступления против общественной нравственности, и стратегические документы декретного характера, включая положения Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809. Эмпирическую основу исследования составили статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде РФ и официальные аналитические данные Генеральной прокуратуры РФ. Методологический аппарат исследования сформирован на основе сочетания общенаучных и специальных юридических методов познания, выбор которых обусловлен комплексным характером поставленной цели. В качестве базовых общенаучных подходов в работе использованы метод логического анализа и синтеза при декомпозиции признаков противоправных деяний и последующем конструировании авторской системы дефиниций, системно-структурный метод, позволивший исследовать оборот запрещенного контента как целостное деструктивное явление в цифровой среде, а также статистический метод, применявшийся при обработке количественных и качественных показателей судимости. Среди специально-юридических методов познания ключевое значение имели формально-юридический метод, выступивший основным инструментом при критическом анализе диспозиций ст. 242, ст. 242.1 и 242.2 УК РФ, и метод уголовно-правового моделирования, нашедший применение при сопоставлении смежных составов преступлений, разрешении коллизий их конкуренции и разработке научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства.

Авторский понятийный аппарат

Порнографические материалы — это распространяемые текстовые, графические и аудиовизуальные объекты, не несущие культурной ценности для общества, содержащие натуралистические изображения обнаженных половых органов или подробные описание половых актов предназначенные для публичной демонстрации с целью популяризации, коммерческой выгоды или деструктивного воздействия.

Порнографические предметы — это предназначенные для публичного распространения и демонстрации вещественные объекты, не несущие

медицинской ценности для общества, имитирующие половые органы или направленные на сексуальную стимуляцию половых органов с целью популяризации, коммерческой выгоды или деструктивного воздействия. Эротические материалы и предметы — это предназначенные для публичного распространения и демонстрации текстовые, графические, аудиовизуальные и вещественные объекты несущие художественную, научную или медицинскую ценность для общества, предназначенные для совершеннолетних и не имеющие признаков порнографических материалов или предметов.

Распространение порнографических материалов или предметов — это действия физических лиц по передаче указанных материалов или предметов в пользование или владение третьим лицам, совершаемые с целью обеспечения доступа к ним неопределенного круга лиц.

Публичная демонстрация порнографических материалов или предметов — это действия физических лиц по предоставлению доступа к указанным материалам или предметам, обеспечивающие возможность их одновременного или поочередного просмотра неопределенному кругу лиц, без передачи им права владения.

Изготовление порнографических материалов или предметов — это действие физического лица по материальному или нематериальному производству указанных материалов или предметов с целью дальнейшего оборота.

Презумпция интимного секстинга — это правовое допущение, согласно которому обоюдные, конфиденциальные действия совершеннолетних лиц по обмену текстовыми, графическими или аудиовизуальными материалами сексуального характера в рамках личной переписки признаются законными и исключающими умысел на публичный оборот порнографических материалов или предметов, пока не доказано иное.

Материально-правовые коллизии квалификации и алгоритмы разграничения преступлений против общественной нравственности в цифровой среде

В контексте предложенного нами авторского определения порнографических материалов, ключевой содержательный маркер — "цель деструктивного воздействия" — приобретает особое криминологическое значение при квалификации виртуальной (сгенерированной искусственным интеллектом) детской порнографии. Наличие умысла виновного лица на нематериальное производство девиантных цифровых образов свидетельствует о его направленности на подрыв основ общественной нравственности в сфере защиты несовершеннолетних. Технологическая составляющая этого явления также не должна игнорироваться правоприменителем. В научной литературе обоснованно подчеркивается, что «контент, созданный при помощи компьютера или генерируемый нейросетями, производится гораздо быстрее и с меньшими затратами, чем традиционные «фильмы для взрослых», что приводит к увеличению его количества» [3, с. 28-29]. Несмотря на отсутствие физического пострадавшего в момент генерации, латентная общественная опасность такого деяния колоссальна. Подобный контент выступает катализатором деструктивных процессов в социуме: он способствует искусственному формированию и закреплению педофильных девиаций у потребителей, трансформирует их морально-психологические барьеры и, как следствие, влечет за собой прямую угрозу экстраполяции виртуального опыта в реальную плоскость, провоцируя рост числа насильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Таким образом, определяющим вектором квалификации по ст. 242.1 УК РФ должен выступать именно деструктивный характер умысла и визуальный образ несовершеннолетнего, а не физический способ создания материала.

Важным аспектом разграничения уголовной ответственности за оборот порнографии (ст. 242 УК РФ) и административной ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений (ст. 6.21 КоАП РФ) является форма объективизации деструктивного воздействия. По нашему мнению, определяющим разграничительным критерием здесь должна выступать глубина и характер визуализации правонарушения. В случаях, когда противоправные действия носят вербальный, текстовый или концептуальный характер (информационное продвижение девиантных установок без наглядной анатомической фиксации), содеянное не достигает степени общественной опасности преступления и подлежит квалификации исключительно в рамках административно-деликтного права (ст. 6.21 КоАП РФ). Напротив, если деструктивный умысел правонарушителя материализуется через распространение или публичную демонстрацию объектов, содержащих натуралистические изображения обнаженных гениталий либо подробные описания и фиксацию половых актов (что полностью отвечает разработанным нами авторским дефинициям порнографических материалов и предметов), возникает конкуренция норм. Поскольку уголовно-правовой состав является более репрезентативным и общественно опасным, административное правонарушение полностью поглощается уголовным преступлением. Двойная квалификация по УК РФ и КоАП РФ в данном случае недопустима, а содеянное должно квалифицироваться строго по ст. 242 УК РФ, где нетрадиционная тематика контента выступает формой проявления умысла на деструктивное воздействие. Серьёзную пробле-

му для правоприменительной практики представляет определение момента окончания преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ, при совершении его в информационно-телекоммуникационных сетях. На основе разработанных нами дефиниций, главным критерием признания состава, оконченным должен выступать факт первого просмотра запрещённого контента третьим лицом, что свидетельствует о реальном причинении вреда объекту посягательства — общественной нравственности. Установление этого факта, равно как и первичная квалификация самого материала, на практике сопряжено с известными трудностями. А.А. Овчарова справедливо указывает: «Отсутствие в уголовном законодательстве Российской Федерации четкого понятийно-категориального аппарата и признаков определения порнографического материала требует применения специальных познаний в данной области и зачастую вся ответственность за отнесение материала к порнографии ложится на плечи соответствующего эксперта. Самостоятельное определение экспертом признаков порнографического материала приводит к субъективным выводам, что противоречит принципу объективности судебной экспертизы» [4, с. 15]. Вместе с тем далеко не всегда обращение к эксперту действительно необходимо. Е.В. Иванова отмечает: «Следователи и дознаватели при установлении признаков порнографии в большинстве случаев обращаются к такому виду использования специальных знаний, как судебная экспертиза. Полагаем, что это не всегда оправданно» [5, с. 43].

В условиях цифровой среды критически важно дифференцировать технические действия пользователей в зависимости от направленности умысла. Само по себе сохранение (загрузка) материала в закрытые каталоги или личные облачные хранилища без последующей передачи не образует состава преступления. Напротив, совершение "репоста" (перепубликации) контента на персональной странице является юридически оконченным актом направления материала неопределённому кругу лиц, в то время как проставление отметки "нравится" ("лайк") в алгоритмических социальных сетях следует квалифицировать как умышленные действия по продвижению публикации в новостных лентах с целью увеличения охвата аудитории. Такая трактовка полностью согласуется с доктринальным пониманием публичности: «Для квалификации деяния по признаку публичной демонстрации требуется активное действие по привлечению внимания аудитории, а не просто наличие случайных свидетелей» [6, с. 266]. Отдельного внимания требует квалификация пересылки материалов в закрытых цифровых сообществах. Сам факт отправки порнографии в групповой чат (даже с ограниченным числом участников) должен признаваться оконченным преступлением, поскольку в сетевой среде отсутствуют гарантии нераспространения данных лицами за пределы этого чата или их демонстрации с экрана мобильного устройства. В качестве исключения, исключающего уголовную ответственность за отсутствием общественной опасности, нами предлагается закрепить "презумпцию интимного секстинга". Под ней понимается обоюдное и конфиденциальное действие по пересылке эротических или порнографических материалов исключительно одному лицу, с которым отправитель состоит в подтверждённых интимно-личностных отношениях, при условии, что контекст цифрового диалога прямо свидетельствует об умысле сторон сохранить данные материалы строго в рамках личной тайны. Такой подход позволит отграничить уголовно наказуемый оборот от легального"секстинга"совершеннолетних граждан.

Особую сложность в доктрине уголовного права вызывает разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 242 и ст. 242.1 УК РФ, в ситуациях несовпадения биологического (паспортного) возраста модели и её визуального восприятия. На основе разработанной нами концепции приоритета деструктивного воздействия, мы предлагаем разрешать данные коллизии следующим образом. Во-первых, в ситуациях, когда в материалах задействовано совершеннолетнее лицо, однако весь антураж, одежда (например, школьная форма) и поведение целенаправленно эксплуатируют образ ребенка ("бэби-фейс"), содеянное должно безоговорочно квалифицироваться по ст. 242.1 УК РФ. Умысел виновных лиц в данном контексте направлен на удовлетворение и стимуляцию педофильных девиаций у потребителей. Подобный контент формирует ложное общественное представление о доступности несовершеннолетних и провоцирует реальное насилие над детьми, что делает его тождественным детской порнографии по степени общественной опасности. Во-вторых, в зеркальной ситуации, когда модель является биологически несовершеннолетней, но визуально воспринимается как взрослая, квалификация также должна осуществляться исключительно по ст. 242.1 УК РФ. В уголовно-правовой науке по данной категории дел должен быть закреплен принцип повышенной ответственности: ссылки стороны защиты на неосведомленность о реальном возрасте потерпевшего лица не должны приниматься во внимание. Субъект, осуществляющий незаконный и изначально деструктивный оборот порнографических материалов, самостоятельно несет все сопутствующие юридические риски. Защита половой неприкосновенности несовершеннолетних в данном случае носит абсолютный характер и

полностью исключает презумпцию добросовестного заблуждения правонарушителя.

Основательный доктринальный и практический интерес в рамках исследуемой темы представляет разграничение преступлений, предусмотренных статьями 242.1 и 242.2 УК РФ, алгоритм которого, по нашему мнению, должен основываться на критерии наличия или отсутствия реального взаимодействия с несовершеннолетним лицом. В тех случаях, когда объективная сторона преступления выражается в нематериальном производстве (компьютерной генерации искусственным интеллектом девиантных образов) либо в последующем распространении и публичной демонстрации уже созданных кем-то ранее и полученных из внешних источников материалов, содеянное посягает исключительно на общественную нравственность и подлежит квалификации по ст. 242.1 УК РФ. Здесь отсутствует физический объект эксплуатации в лице конкретного ребёнка. Напротив, ключевым конструктивным признаком состава ст. 242.2 УК РФ выступает любое целенаправленное взаимодействие виновного лица с реальным, живым несовершеннолетним в целях получения порнографического контента. При этом характер такого взаимодействия не имеет значения для квалификации: оно может выражаться как в физическом контакте в реальном мире (организация съёмок, принуждение к позированию), так и в психологическом воздействии в виртуальном пространстве сети Интернет (например, склонение подростка к созданию и отправке личных интимных снимков — так называемого self-generated контента). Данный тезис в полной мере коррелирует с выводами М.В. Гусаровой, которая отмечает, что «появление виртуальной порнографии, принуждения к сексуальному позированию и иным действиям сексуального характера в сети Интернет влечет необходимость поиска адекватных мер противодействия данным вызовам, в том числе криминологического и уголовно-правового характера» [7, с. 49]. Таким образом, отсутствие взаимодействия правонарушителя с реальным несовершеннолетним безусловно исключает применение ст. 242.2 УК РФ, оставляя содеянное в рамках ст. 242.1 УК РФ, в то время как установление факта любого реального или сетевого контакта с ребёнком ради производства запрещённых материалов требует вменения ст. 242.2 УК РФ как самостоятельного посягательства на половую неприкосновенность и психическое развитие личности.

Эмпирический анализ состояния судимости по статьям 242, 242.1 и 242.2 УК РФ как показатель деструктивного воздействия на общественную нравственность

Выдвинутые нами теоретические положения о характере деструктивного воздействия незаконного оборота порнографических материалов подтверждаются глубоким анализом актуальных эмпирических данных. Изучение официальной статистики Генеральной прокуратуры РФ свидетельствует о беспрецедентном росте масштабов девиантного поведения в российском обществе: за десятилетний период количество зарегистрированных преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних увеличилось на 44 % — с 9 524 деяний в 2010 году до 16 887 в 2021 году. При этом качественный анализ структуры данной категории преступлений выявляет их латентный характер: более половины посягательств совершается лицами, знакомыми ребенку, каждое пятое — членами его семьи (в том числе 11 % — родителями), а четверть (25 %) — лицами в состоянии алкогольного опьянения или страдающими психическими расстройствами. На наш взгляд, указанная негативная динамика находится в прямой причинно-следственной связи с процессами, происходящими в сфере цифрового оборота запрещенного контента. Это наглядно иллюстрируют коррелирующие данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ за период 2020–2024 гг. Так, число лиц, осужденных по ст. 242 УК РФ, выросло почти вдвое — с 221 человека в 2020 году до 398 в 2024 году (при динамике по годам: 2021 г. — 208; 2022 г. — 262; 2023 г. — 327). Еще более репрезентативным выглядит динамический скачок судимости по ст. 242.1 УК РФ: количество вынесенных приговоров за оборот детской порнографии увеличилось ровно в два раза — со 111 осужденных в 2020 году до 223 в 2024 году (2021 г. — 136; 2022 г. — 119; 2023 г. — 190). Данная деструктивная тенденция подтверждается и показателями судимости по смежной статье 242.2 УК РФ, предусматривающей ответственность за использование несовершеннолетних в целях изготовления порнографии, где за аналогичный период зафиксирован рост числа осужденных более чем в два раза: с 15 человек в 2020 году до 35 человек в 2024 году, при этом пиковое значение пришлось на 2023 год, когда обвинительные приговоры были вынесены в отношении 48 лиц (динамика по годам: 2021 г. — 22 осужденных; 2022 г. — 24 осужденных). Синхронный и поступательный рост показателей судимости по обеим статьям выступает эмпирическим доказательством того, что бесконтрольное тиражирование порнографических материалов и предметов в информационно-телекоммуникационных сетях выполняет роль триггера и катализатора реального сексуального насилия. Нематериальное производство деструктивного контента (включая "лайки", "репосты" и ИИ-генерацию) деформирует морально-психологические барьеры потребителей, что на фоне высокого процента бытовых контактов с детьми (в семье и кругу

знакомых) неизбежно проецируется в плоскость реальных уголовно наказуемых посягательств. Анализ динамики судимости по ст. 242.2 УК РФ наглядно демонстрирует, что деструктивное воздействие цифровой порноиндустрии все чаще переходит из плоскости пассивного потребления информации в плоскость активного противоправного взаимодействия преступников с живыми несовершеннолетними как в реальном мире, так и посредством сетевой коммуникации. Данный вывод накладывает на законодателя и правоприменителя обязанность по незамедлительному ужесточению правил квалификации и разграничения смежных составов преступлений.

Заключение

Проведенное комплексное исследование материально-правовых и криминологических аспектов оборота запрещенного цифрового контента позволяет сформулировать итоговые теоретические выводы, направленные на модернизацию отечественного уголовного законодательства и унификацию правоприменительной практики в рамках Главы 25 УК РФ. Главным концептуальным результатом работы стало преодоление затяжного терминологического кризиса посредством формирования авторского монолитного понятийно-категориального аппарата. Предложенная нами система сквозных дефиниций порнографических материалов, порнографических предметов и легальной эротики, построенная на критериях натуралистичности, возрастного ценза и цели деструктивного воздействия, позволяет устранить избыточное судейское усмотрение и гармонизировать уголовный закон со стратегическими документами в сфере защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. Помимо систематизации объектов, в статье научно обоснована модернизация понятийного аппарата преступных действий в интернет-пространстве. Введение в доктрину категориального разделения на материальное и нематериальное производство позволило окончательно закрыть правовой вакуум вокруг использования генеративного искусственного интеллекта и дипфейк-технологий, обеспечив следователей и судей четкими критериями оценки цифрового синтеза девиаций. Разработанные в исследовании алгоритмы квалификации позволяют разрешить острейшие правовые коллизии современности: нами четко определен момент окончания преступления в Сети по факту первого просмотра контента, разграничена юридическая природа «лайков» и «репостов», а также теоретически обосновано внедрение презумпции интимного секстинга для защиты конституционной тайны личной жизни совершеннолетних граждан от избыточного уголовного преследования. В сфере разграничения смежных норм материального уголовного и административно-деликтного права доказан безусловный приоритет визуального образа несовершеннолетнего над биологическим возрастом модели, обусловленный характером деструктивного умысла виновного лица, а также обоснован принцип поглощения административной ответственности уголовной при переходе противоправного деяния из вербальной формы в плоскость натуралистической визуализации. К тому же нельзя не признать, что противодействие наиболее опасным проявлениям синтетического контента требует серьезной законодательной и доктринальной проработки. Как отмечают С.С. Жевлакович, И.С. Лукинский и А.В. Сумина, «эффективно противодействовать производству и распространению детской порнографии, создаваемой на новой технологической базе, без действенной законодательной основы представляется крайне затруднительно. Для приведения законодательства в соответствие с реалиями сегодняшнего дня требуется серьезная исследовательская работа и творческая дискуссия, в которой должны принять участие не только правоведы и правоохранители, но и разработчики ТИИ» [8, с. 590]. Настоящая статья представляет собой лишь начальный этап фундаментального концептуального переосмысления уголовно-правовой охраны общественной нравственности в эпоху тотальной цифровизации. Автор выражает глубокую убежденность в том, что масштабный технологический вызов, стоящий перед уголовно-правовой наукой, требует консолидации усилий ведущих правоведов и криминологов страны. Мы приглашаем широкое научное сообщество к открытой и активной дискуссии по вопросам дальнейшей теоретической разработки обозначенных проблем, дифференциации уголовной ответственности за цифровое производство девиаций и поиску баланса между защитой интересов государства и неприкосновенностью частной жизни граждан.

Список литературы:

[1] Абсатаров Р.Р. Использование современных возможностей судебных экспертиз для установления возраста лиц, запечатленных на порнографических изображениях // Криминалисть. 2025. № 3 (52). С. 3-10.

[2] Хайбрахманова Р.Р. Уголовно-правовая охрана общественной нравственности: современное состояние, тенденции и перспективы развития // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2026. Т. 17. № 2 (64). С. 126 - 132.

[3] Литовченко А.И. Смоделированные изображения порнографического характера как предмет преступлений, связанных с обращением порнографии: компаративистское исследование // Вестник ЮУРГУ. Серия «Право». 2024. Т. 24. № 2. С. 27-35.

[4] Овчарова А.А. Предназначенность и пригодность как признаки отнесения материалов и предметов к категории порнографических // Вестник ЮУРГУ. Серия «Право». 2025. Т. 25. № 3. С. 14-17.

[5] Иванова Е.В. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, предусмотренных статьями 242, 242.1, 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2024. - № 2. С. 37-48.

[6] Левандовская М.Г. Условия применения единообразного кодекса к конструированию квалифицирующего признака публичной реализации явлений против личности // Юридическая наука. 2024. № 10. С. 263-267.

[7] Гусарова М.В. Преступления сексуального характера как часть киберпреступности. Lex russica. 2026. Т. 79. N° 5. С. 47-56.

[8] Жевлакович С.С., Лукинский И.С., Сумина А.В. Инновации искусственного интеллекта: виртуальная детская порнография в цифровую эпоху. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8. № 4. С. 585-592.

References:

[1] Absatarov R.R. Using modern forensic capabilities to determine the age of individuals depicted in pornographic images // Kriminalist. 2025. No. 3 (52). Pp. 3-10.

[2] Khaibrakhmanova R.R. Criminal-legal protection of public morality: current state, trends and development prospects // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. Vol. 17. No. 2 (64). Pp. 126–132.

[3] Litovchenko A.I. Simulated pornographic images as an object of crimes related to the circulation of pornography: a comparative study // Bulletin of SUSU. Series “Law”. 2024. Vol. 24. No. 2. Pp. 27–35.

[4] Ovcharova A.A. Purpose and suitability as criteria for classifying materials and objects as pornographic // Bulletin of SUSU. Series “Law”. 2025. Vol. 25. No. 3. Pp. 14–17.

[5] Ivanova E.V. The Use of Special Knowledge in Investigating Crimes Provided for in Articles 242, 242.1, and 242.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // The Rule of Law: Theory and Practice. 2024. - No. 2. Pp. 37-48.

[6] Levandovskaya M.G. Conditions for Applying a Uniform Code to the Construction of a Qualifying Feature of Publicly Perpetrated Acts Against the Person // Legal Science. 2024. No. 10. Pp. 263–267.

[7] Gusarova M.V. Sexual crimes as part of cybercrime. Lex russica. 2026. Vol. 79. No. 5. Pp. 47–56.

[8] Zhevlakovich S.S., Lukinsky I.S., Sumina A.V. Innovations in artificial intelligence: virtual child pornography in the digital age. Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2024. Vol. 8. No. 4. Pp. 585–592.

